

СОЦИОКИНЕТИКА

Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2024. Т. 30, № 4. С. 156–166. ISSN 2073-1426

Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2024, vol. 30, № 4, pp. 156–166. ISSN 2073-1426

Научная статья

УДК 329.78

EDN 329.78

<https://doi.org/10.34216/2073-1426-2024-30-4-156-166>

ИНЕРЦИЯ ОТТЕПЕЛИ В ПРОЕКТЕ ЛАГЕРЯ КОМСОМОЛЬСКОГО АКТИВА ЭПОХИ ЗАСТОЯ (на материалах костромского лагеря «Комсорг» 1974–1989 гг.)

Куприянов Борис Викторович, доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, bvкуприянов@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1041-6056>

Смирнов Павел Александрович, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, smirnopascha@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3818-6582>

Аннотация. В статье представлены результаты анализа и реконструкции социально-педагогического проекта костромского лагеря «Комсорг» 1974–1989 гг. как лагеря комсомольского актива. Важное место занимают целостные представления о комсомольском активе как специфической группе старшеклассников в советских школах эпохи позднего социализма. В эмпирической части исследования использовались материалы региональной прессы, воспоминания непосредственных участников событий, материалы научных исследований и публикаций преподавателей Костромского педагогического института, материалы Государственного архива новейшей истории Костромской области. На основе анализа материалов в тексте обосновывается модель «лагерь комсомольского актива как социальный тренажер», характеризуется игровая составляющая жизнедеятельности детско-взрослого воспитательного сообщества.

Ключевые слова: практики воспитания в СССР, летний лагерь, юношеские общественные организации, социально-педагогические проекты, периодическая печать, костромская социально-психологическая научная школа.

Благодарности: финансовая поддержка Российского научного фонда: <https://doi.org/10.13039/501100006769>, проект № 23–28–00651.

Для цитирования: Куприянов Б.В., Смирнов П.А. Инерция оттепели в проекте лагеря комсомольского актива эпохи застоя (на материалах Костромского лагеря «Комсорг» 1974–1989 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2024. Т. 30, № 4. С. 156–166. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2024-30-4-156-166>

Research Article

INERTIA OF THE THAW IN THE PROJECT OF THE CAMP FOR KOMSOMOL ACTIVISTS IN THE ERA OF STAGNATION (Based on the Materials of the Kostroma Camp “Komsorg” 1974–1989)

Boris Vi. Kupriyanov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, bvкуприянов@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1041-6056>

Pavel Al. Smirnov, Kostroma State University, Kostroma, Russia, smirnopascha@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3818-6582>

Abstract. The article presents the results of the analysis and reconstruction of the socio-pedagogical project of the Kostroma camp “Komsorg” 1974–1989 as a camp for Komsomol activists. An important place is occupied by holistic ideas about the Komsomol activists as a specific group of high school students in Soviet schools of the late socialist era. In the empirical part of the study, materials from the regional press, memoirs of direct participants in the events, materials from scientific research and publications of teachers of the Kostroma Pedagogical Institute, and materials from the State Archive of the Modern History of the Kostroma Region were used. Based on the analysis of the materials, the text substantiates the model of “the Komsomol activists’ camp as a social simulator” and characterizes the game component of the life of the children’s and adults’ educational community.

Keywords: educational practices in the USSR, summer camp, youth public organizations, social and pedagogical projects, periodicals, Kostroma social and psychological scientific school.

Acknowledgments: Information about financial support Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769>, project No. 23–28–00651.

For citation: Kupriyanov B.V., Smirnov P.A. Inertia of the Thaw in the Project of the Camp of the Komsomol Activists of the Stagnation Era (Based on the Materials of the Kostroma Camp “Komsorg” 1974–1989). *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 156–166 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2024-30-4-156-166>

Осмысление эволюции общественной жизни последних десятилетий существования Советского Союза убедительно доказывает осязаемую роль социально-педагогических проектов в этом процессе [Димке; Острова утопии; Фишман; Юрчак]. Социально-педагогическое проектирование второй половины XX века в своем посыле было преимущественно альтернативным, оппонировало сталинизму, основывалось на вере в воспитание – в моральное преобразование человека, представляло собой программы преобразования человеческой природы [Фишман: 137; Острова утопии].

Особенный интерес вызывают проекты периода застоя, разработанные и реализованные во время размывания идеологических устоев, усиления сомнения советских граждан СССР в правильности существующего положения вещей, ослабление веры людей в вождя, партию и идеологию [Синицын: 52]. В то время молодежь в Советском Союзе не находила выхода своей общественной энергии, остро переживая социальное неравенство; советская пропаганда не отражала, а порой откровенно искажала реальное положение вещей, подрывая доверие к власти со стороны юных максималистов и идеалистов; в обществе обострилась проблема отцов и детей [Синицын: 62]. Кризисные явления в среде советской молодежи выражались в росте особо опасных преступлений, совершенных представителями этой категории населения, антиобщественных и антисоветских проявлениях старших школьников [Галдобина: 37].

Советскими экспертами школьного образования начала 1970-х открыто назывались следующие проблемы: ограниченность возможностей для самоутверждения старших школьников порождала у этой категории негативизм и ревизию авторитетов; ограниченность самостоятельности приводила к трудностям во взаимоотношениях с учителями; юношеский максимализм ввергал в крайние оценки и разочарование и т. п. [Лутошкин 1975: 15]. Уникальным ответом на вызовы времени в русле альтернативного социального проектирования [Димке: 98; Фишман: 138] были лагеря комсомольского актива – курского, а затем и костромского «Комсоргов».

Их основателями и руководителями стали Л.И. Уманский и А.Н. Лутошкин, которые неосознанно, даже не помышляя о конфронтации с «линией партии», предложили идеи, не совсем совпадавшие с этой линией, но прикрытые марксистско-партийной фразеологией [Мудрик 2016: 69].

Фактически группой Л.И. Уманского (им самим и его учениками) произошла приватизация государственной *утопии будущего человека и общества* [Острова утопии: 11], в этот момент был создан лагерь «Комсорг» в Курской области (1961). Авторское повторение проекта в Костроме в 1973 г. свидетельствует об оформлении самостоятельной концепции и практики воспитания [Поляков: 21].

Значение созданных ими *концепции и практики воспитания* вместе с коммунарским движением, разновозрастными отрядами превосходит влияние на общественное развитие нашей страны диссидентского движения [Фишман: 136]. Концепции и практики Л.И. Уманского – А.Н. Лутошкина характеризовались двойственностью: терминологически речь шла о воспитании коллективизма и индоктринации коммунистических лозунгов и стоящих за ними ценностей, однако фактически обеспечивались развитие личности и самореализация школьников. Сами авторы «были не просто абсолютно последовательными приверженцами коммунистической идеологии, но искренними адептами ее «чистой», «ленинской версии», не «испорченной» позднейшими «ошибками», «перегибами» и пр.», их идеи внешне вполне вписывались в официальную советскую педагогику [Мудрик 2016: 79].

В 1963 г. секретариат ЦК ВЛКСМ рекомендовал повсеместно создавать профильные лагеря пионерского и комсомольского актива [Нестерова: 75–76]. Как и практики воспитания в неформальных объединениях позднего социализма, проекты лагерей комсомольского (пионерского) актива ставили своей задачей моральное преобразование участников, с официальной идеологией внешне они не расходились, однако фактически отклонялись от идеологической и моральной нормы, намечая возможную линию общественного развития [Фишман: 137]. При этом вызывает несогласие утверждение о «превращении “пионера-активиста” в размытое, абстрактное и непонятное большинству пионеров и вожатых понятие (ритуальную формулу)» [Козлова: 93]. И пионерский, и особенно школьный комсомольский актив представлял собой как раз четко очерченный слой старшеклассников. А.В. Юрчак использует понятие «активист» как для обозначения представителей органов комсомольского самоуправления, так и для маркировки способа публичной самопрезентации [Юрчак: 165, 182–201].

Лагеря комсомольского актива 1970–80-х гг. следует рассматривать в сравнении с культурно близкими явлениями, такими как практики Фрунзенской коммуны Ленинграда и лагеря «Орлёнок», неформального движения коммунаров, каравелловцев¹ и разновозрастных отрядов [Фишман: 137]. Ряд исследователей полагает, что в названных неформальных объединениях подростки воспитывались на тех ценностях, которые обеспечили относительно бесконфликтное вхождение в реальность «рынка и демократии». Так, например, развитие детской инициативы в «Артеке» и «Орлёнке» строилось на стремлении создать для пионеров комфортные условия существования и исходить из принципа учета интересов, отталкиваясь от увлечений [Козлова: 94].

Комсомольцы – активисты-старшеклассники в эпоху позднего социализма. Словари русского языка трактуют актив как «наиболее инициативную, деятельную часть какого-либо сообщества», при этом указывают на то, что в данном значении это слово возникло в советскую эпоху. «Актив», исходя из значения этого слова (от лат. *actus* – действие), представляет собой членов организации, которые обеспечивают функционирование сообщества, проявляют общественную просоциальную активность во имя общих интересов сообщества или всего общества. В СССР партийный, комсомольский, профсоюзный и тому подобный актив – это члены массовых советских общественных организаций, выбранные или назначенные в органы корпоративного самоуправления. Актив является порождением массовизации общественных объединений, возникает тогда, когда сообщества дифференцируются на активное меньшинство и пассивное большинство. Школьный комсомольский актив в советское время обычно состоял из учеников – членов ВЛКСМ, избранных в органы самоуправления: комсорги комсомольских групп ученических классов, секретари и члены комитета комсомола школы (ответственные за различные направления общественной работы) и т. п.

Возникновение школьного комсомольского актива как массового явления обусловлено увеличением с 1958 по 1964 г. числа старшеклассников-комсомольцев в школах страны, чему содействовала отмена платы за обучение в старших классах (с 1956 г.), образовательная реформа 1958 г. [Об отмене: 192]. В этот период ЦК ВЛКСМ провозгласил линию на усиление самостоятельности в школьных комсомольских организациях [Нестерова: 31, 32, 34], что предусматривало повышение статуса органов самоуправления и тех старшеклассников, кто был избран в эти органы. Можно утверждать, что школьный комсомольский актив в 1960-е гг. оформился и в массовом житейском сознании, и нормативно, организационно [Лутошкин 1978: 26].

В комсомол учащиеся вступали в 14–15 лет (в 7–8-м классах)², в органах самоуправления полноценно можно было работать три года (до окончания школы). Из-за быстрой сменяемости воспитание и обучение актива ВЛКСМ становились актуальной задачей функционирования каждой школьной комсомольской организации [Вульфов, Поташник: 92; Иванов: 13]. В целом подготовка комсомольского актива в СССР представляла собой многоуровневую систему, особое место в которой занимали инструктивные лагеря актива [Димке: 98–126; Кирпичник: 229; Листопадов: 343]. К концу 1970-х гг. лагеря пионерского и комсомольского актива действовали на большинстве территорий Советского Союза.

Фокус рассмотрения. Объектом нашего интереса является лагерь комсомольского актива «Комсорг» Костромской области, который сыграл важную роль в развитии традиции региональных инструктивных лагерей актива, оставив яркий след в отечественной теории и практике воспитания. Ранее мы уже поясняли позицию о не вполне корректном использовании понятия «лагерь» для обозначения специфической социальной субстанции – лагерь комсомольского актива [Куприянов: 223]. В данном случае, говоря о костромском «Комсорге», мы можем подразумевать три самостоятельных, хотя и тесно взаимосвязанных явления:

- разновозрастное сообщество, ядром которого выступал педагогический отряд студентов историко-педагогического факультета Костромского государственного педагогического института им. Н.А. Некрасова (далее – КГПИ), возглавляемый профессиональными психологами-педагогами, авторами программ, преподавателями вуза [Кирпичник: 229];
- традиционную практику воспитания комсомольского актива старшеклассников Костромской области, осуществляемую в ходе ежегодных тематических смен – программ обучения школьного комсомольского актива;

- специфическую локальную культуру со своими нормами и ценностями, символическими практиками (песнями, визуальными и музыкальными атрибутами и т. п.). Культура лагерей актива испытывала сильное влияние со стороны культур Всероссийского лагеря ЦК ВЛКСМ «Орлёнок», городских комсомольских штабов, студенческих педагогических отрядов. Костромской «Комсорг» был пульсирующим сообществом, которое в полном составе существовало три недели одной лагерной смены, состав в значительной мере изменялся (старшеклассники редко ездили в «Комсорг» более одного раза), между сменами работал научно-педагогический отряд «Товарищ» (преподаватели и студенты педагогического института). Если ввести «шкалу официальности-неформальности» воспитательных явлений

эпохи позднего социализма [Острова утопии: 11], то костромской «Комсорг» окажется несколько более официальным явлением, чем лагеря Фрунзенской коммуны и тем более «Каравелла» – идентификация проекта с официальной идеологией и практикой, встроенность в систему воспитания комсомольских кадров и т. д. В отличие от коммунарского и каравелловского движения «Комсорг» имел официальный статус и всегда находился под покровительством обкома ВЛКСМ, здесь с органами власти не было такой большой социальной дистанции.

Значительными возможностями для реконструкции проекта лагеря комсомольского актива обладают работы М. Фуко:

– комсомольский актив может изучаться в качестве результата языковых и общественных практик, при этом дискурс интерпретируется, в частности, в социальном плане – как отражение властных, управленческих отношений;

– воспитанию комсомольского актива соответствует специфическая форма организации общественной жизни, установившийся органичный порядок отношений определенного типа (образ жизни), который может быть описан как диспозитив (единство дискурсов, культурных практик и социальных отношений);

– социальное пространство лагеря комсомольского актива можно рассматривать как совокупность диспозитивов.

Хронологическими рамками определены 1973–1989 гг. – с проведения первой смены лагеря «Комсорга» и до ухода из него А.Г. Кирпичника (последнего представителя группы авторов проекта). Рискнем утверждать, что внутренние изменения в жизни общества не имели решающего значения: все первые 17 лет своего существования «Комсорг» воспроизводил изначальную модель, несмотря на смерть его инициаторов (А.Н. Лутошкин – в 1979 г., Л.И. Уманский – в 1983 г.). Преемственность и отчасти инерция задавалась кадрами – определяющую роль в деятельности лагеря играли преподаватели и студенты историко-педагогического факультета КГПИ. Символически преемственность идейной и методической линии была закреплена присвоением лагерю имени основателя: с 1980 г. – Костромской областной лагерь школьного комсомольского актива «Комсорг» имени лауреата премии Ленинского комсомола Анатолия Николаевича Лутошкина. Важно обозначить социокультурную инерцию «Комсорга», вызванную провинциальностью (удаленностью от общественно-политических центров, преобладанием сельских школьников среди участников смен) и относительным консерватизмом образовательных сообществ.

Эмпирическая часть исследования представляла собой реконструкцию костромского «Комсорга» как проекта на основе различного рода свидетельств.

В качестве исторических источников использовались материалы региональной прессы: 12 статей газеты «Молодой ленинец» (1973–1987) – органа Костромского областного комитета ВЛКСМ, 1 статья «Московского комсомольца» – органа Московского горкома комсомола (1975). Авторами публикаций в основном являлись костромские журналисты, в одном случае напечатано письмо школьницы, ставшей участницей комсорговской смены, в другом – материал, подготовленный группой учащихся, в третьем – статья, написанная В.П. Ижицким, в тот период одним из руководителей лагеря. Специфической характеристикой избранных текстов является многоголосие высказываний старшеклассников и взрослых (преподавателей КГПИ А.Н. Лутошкина, А.Г. Кирпичника, Н.М. Рассадина, студентов). В одних статьях имеются указания на авторство высказывания (фамилия, имя школьника, место учебы), в других приводятся анонимные фразы из сочинений, которые старшеклассники писали в последний день смены либо материалы психолого-педагогической диагностики (методика незаконченных предложений). Реконструкция комсорговского проекта на основе материалов периодической печати оправдана тем, что тексты перед публикацией, скорее всего, просматривались представителями лагеря, то есть публикации отражали прежде всего проектное представление. При анализе использовались также воспоминания непосредственных участников событий, материалы научных исследований и публикаций преподавателей Костромского педагогического института (университета) (В.П. Ижицкого, А.Г. Кирпичника, А.Н. Лутошкина, Л.И. Уманского), сотрудников НИИ общих проблем воспитания АПН СССР (Б.З. Вульфова, В.Д. Иванова, М.М. Поташника), материалы Государственного архива новейшей истории Костромской области, Фонд 1018, тексты комсорговских песен.

Комсорг: активист, организатор, лидер. Реконструкция культурного эталона. Частотный анализ текстов статей в периодических изданиях дает возможность зафиксировать: из 7 817 слов чаще всего упоминаются лексемы, составляющие конструкцию «Лагерь комсомольского актива “Комсорг”»:

- «лагерь» (1,027 %);
- «комсомолец / комсомольский» (1,01 %);
- «актив / активист / активность / активный» (0,51 %);
- наименование лагеря «Комсорг» и слова, образованные от него: «комсорговцы / комсорговский» (1,73 %).

Существительное «комсорг» используется как в значении вообще «комсомольский организатор» (0,43 %), так и в значении «участник смены лагеря “Комсорг”». Слово «лидер» в газетных публикациях упоминается всего один раз, возможно, автор

не придавал значения тому, что нарушил неписаное правило [Ижицкий 1987].

Важным элементом идентификации старшеклассников – участников комсорговских смен – было разделение на актив и пассив [Иванов: 30–31; Сморгков]. Важно отметить, что значительная часть комсоров были лидерами в сообществах сверстников (то есть наиболее полно отражали интересы группы, обладали авторитетом в ученических коллективах, могли вести за собой), другие были избраны в органы самоуправления или просто проявляли общественную активность, фактически не являясь лидерами, будучи активистами.

В текстах советских педагогов и социальных психологов с целью микширования межличностных и социальных противоречий упор делался на соединение активизма, лидерства и организаторства (юные общественники, вожаки) [Иванов 1969; Лутошкин 1981: 3]. Здесь просматривается интересная цепочка, занимавшая в комсорговском проекте важное место и отразившаяся в публикациях периодики:

– для выполнения своих функций в органах самоуправления комсомольский активист должен был быть хорошим организатором [Сморгов];

– для эффективной организации коллективной деятельности необходимо чувствовать людей, быть «привлекательным для сверстников», проявлять в ситуации общения свои сильные стороны, отражать групповые интересы, то есть проявлять качества лидера (вожака), скрепляющего своей социальной коммуникацией школьные сообщества.

Руководители «Комсорга» 1970-х гг. понимали, что участники смен «не всегда были лидерами среди своих сверстников» и что «лидеров как таковых готовить очень трудно». Поэтому их необходимо было научить тому, что «позволяло бы преодолеть то, в чём они были слабоваты на общем фоне своих же сверстников» [Байкалова].

Возможность для реконструкции *образа комсомольского организатора* создает анализ текста гимна лагеря песни «Комсорги» (автор слов и музыки А.Н. Лутошкин). Комсорги представляются героями, которые пускаются в дорогу за чудом по зову тревожных труб. Интересно, что в первоначальном варианте текста употреблялось выражение «с седьмое чудо света», – имелись в виду, скорее всего, конкретные древние сооружения (существуют аудиозаписи, где именно так поет сам автор). В последующие годы слово «с седьмое» было заменено словом «восьмое». Можно истолковать это обстоятельство двояко: либо небывалое чудо ждет, что его откроет комсорг, либо так провозглашается несбыточность чуда (в условиях утраты веры в коммунистическую утопию в 1970–80-х гг.). Показательна ситуация, в которой находятся лирические герои песни – комсорги: ситу-

ация вынужденной активности (своего рода приключения), источником их действий являются внешние факторы («дороги ждут», «чудо света ждет», «трубы тревоги играют»). Героический образ комсорга дополняется такими чертами, как вселенская ответственность («За всё мы, комсорги, в ответе, пока у нас сердце стучится»), способность стойко переносить все тяготы («в лицо нам ветер... беда... горы сомнений, вершины открытий»). Автор песни предупреждает комсоров и о предстоящих сомнениях, обиде, призывает не показывать свою слабость публично («обидят – не жди утешений, губы крепче сожми ты... комсорг никогда не плачет»). Думается, в этом пассаже и проявляется особое положение комсомольского организатора, испытывающего на себе воздействие и взрослых, и сверстников. Первые нередко относились к активистам, как к детям, а среди сверстников были те, кто считал активистов выскочками, прихвостнями педагогов.

Культурный эталон комсорга (активиста-организатора) можно соотнести с концепцией детства 1970–80-х гг., где «ребенок – идеальный взрослый» [Димке: 256]; эта конструкция поддерживалась среди комсоров пропагандой работы над собой, требованием стать образцом для сверстников – идеальным комсомольцем [Иванов: 28–31]. Если старшеклассника – комсомольского активиста, «члена выборного органа самоуправления», представителя первичной организации – командировали на учебу [Байкалова; Кирпичник: 229], то лагерь комсомольского актива, в свою очередь, должен был подготовить делегированного комсомольца к эффективному осуществлению общественной работы (комсомольского поручения). В реальной жизни преодолевать различия между благоприятным пространством «Комсорга» и реалиями школьных комсомольских организаций удавалось далеко не всегда [Иванов: 31; Сморгков]. Школьные педагоги нередко противодействовали активистам – ограничивали их инициативу и самостоятельность, излишне контролировали и опекали, были единодушны в традиционном давлении на учеников. В результате старшеклассники «нередко отступали, разочаровывались и опускали руки, становились социально пассивными и инертными». Такая участь была уготована половине юношей и девушек, прошедших обучение в «Комсорге» [Немов, Кирпичник: 17].

Лагерь комсомольского актива как социальный тренажер. Идея социального тренажера как метода воспитания пионерско-комсомольского актива витала в воздухе, и ее, видимо, одновременно или почти одновременно сформулировали и в Ленинграде (во Фрунзенской коммуне), и в Курске. Дискурс тренажера (школы актива) явно отражается на страницах «Молодого ленинца» в таких лексемах, как «учиться» («поучиться», «научиться»), «учеба» –

«учебный», «знания», «умения», «навыки», «школа», «лекции», «учебные занятия» (в общей сложности 1,1 % от всех употребленных в газетных статьях слов). Приоритет учебности (инструктивный характер) отличал костромской «Комсорг» от лагерей Фрунзенской коммуны, где проживание жизни было первостепенным и ключевую роль занимал сельскохозяйственный труд [Димке: 99; Листопадов: 344]. Взрослые также фиксировали, что старшеклассники возвращались из лагеря в свои учебные заведения «с новыми делами, песнями, рассказами о людях и традициях лагеря», такую задачу четко формулировали и сами организаторы смен [Абатуров; Настоящий комсорг; Иванов В.Д.: 30–31]. Получался своего рода *учебный центр* подготовки миссионеров, где обученные активисты отправлялись реализовывать свою миссию в родные школы. Подобно христианским миссионерам, они несли сакральное знание, знание о том, как организовать интересную жизнь в школьных комсомольских организациях, как выстроить позитивные взаимоотношения.

В стилистике социального пространства «Комсорга» обнаруживаются черты социальной утопии – идеального общества, которое должно было действовать как эталон. Участники смены рассматривали уклад жизни лагеря актива как то состояние, к которому необходимо стремиться в совершенствовании деятельности своих школьных комсомольских организаций. Этот социально-психологический механизм был зафиксирован Л.И. Уманским [Уманский: 18], отдельные стороны этого явления определялись как «ситуация-образец» [Поляков: 11], «героическое сообщество» [Димке: 131].

«Комсорг» становился для участников смены *пространством проживания культурных эталонов*: ценностное единство малых групп; высокая взаимная требовательность в сочетании с товариществом и ответственностью каждого; творческая атмосфера коллектива – условие развития личности каждого комсомольца; самостоятельность коллектива – включенность каждого комсомольца в деятельность и т. д. [Бильгельдева: 4; Иванов В.Д.: 5, 10, 20, 22, 26].

В лагере реализовывалась специально разработанная *образовательная программа*, включавшая: общие лекции, пресс-клуб «Комсорга», деловой клуб комсомольского организатора «Как вести за собой», учебные занятия по отрядам, практикумы [Материалы: 4–7].

Учебные занятия носили обязательный характер, проводились в первой половине дня в соответствии с расписанием. Самым главным было, пожалуй, обучение азам организаторской деятельности, общие лекции раскрывали основные направления работы комсомола, формулировали ориентиры в контексте решений съезда партии. Пресс-клуб «Комсорга» был

чередой встреч с представителями различных областных организаций (обком ВЛКСМ, облисполком, областной отдел народного образования, прокуратура и УВД, органы государственной безопасности).

Можно сказать, что авторы программы «Комсорга» пытались не допустить или преодолеть эффект «острова утопии», организуя контакты старшеклассников с представителями региональной власти, обеспечивая не только информированность, но и субъективное переживание причастности к экономическим и социальным процессам своего края. С другой стороны, возвращаясь в свои школы, старшеклассники несли положительный образ региональной власти.

Важным ориентиром комсорговского образования являлась инструментальная подготовка активиста: вернувшись в свою школу, он должен был продемонстрировать общекультурные компетенции (танцевать современные танцы, петь и играть на гитаре, владеть основами актерского мастерства, грамотно общаться со сверстниками и взрослыми, обладать эрудицией).

Эти инструменты должны были создавать и поддерживать его социальный статус среди сверстников, содействовать тому, чтобы у комсорга увеличивались шансы стать авторитетным в юношеской среде. Осуществлялась инструментальная подготовка на практикумах по комсомольской песне, балльным танцам, риторике, туризму, спортивным играм, затейничеству, оформительскому делу и т. д., на эти занятия отводилось достаточно много (до 40) часов [Материалы о работе областного лагеря: 4–7].

Внутренняя противоречивость проекта коллективной жизни «Комсорга» состояла в сочетании в нем императивного школьного диспозитива и нацеленности на обеспечение самореализации старшеклассников в рамках «лаборатории социального творчества». Необходимость социального творчества в костромском и курском «Комсоргах» обосновывалась «поиском эффективных форм комсомольской работы». Объектом экспериментирования выступала организация коллективной деятельности («комсомольской работы», «жизни комсомольской организации школы»). Это подтверждается частотным анализом – интенсивностью употребления (1,69 %) в газетных текстах лексем «планы, планировать, планерка», «дело, делать», «работа, работать». В статьях приводятся свидетельства организованности и слаженности в подготовке и проведении мероприятий, активного участия всех комсоргов в разработке общих дел (в решении творческих задач) [Комсорг].

Публикации позволяют реконструировать процессы коллективной деятельности: инструктор отряда³ разрабатывает «детальную методику проведения дела», затем в первичном коллективе, ответственном за проведение, старшеклассники обсуждают, корректируют и реализуют задуманное. На следующий

день проводится обстоятельный методический разбор, оценка и выработка альтернативных вариантов, в анализе участвуют и представители других первичных коллективов [Иванова].

В отличие от периода «оттепели» в костромском «Комсорге» 1970–80-х гг. не практиковалось открытое обсуждение социальных реалий, это было бы слишком смелым и входило бы в противоречие с существующими в Советском Союзе порядками. Поэтому дискуссии были сфокусированы на общественной позиции старшеклассника; вот темы комсомольских собраний: «Твоя общественная активность», «Только вперед, только на линию огня» [Алексеев]. Организация подобного рода дискуссий обеспечивала проверку на экспериментальном стенде форматов общественной коммуникации, выработки взвешенных решений. Для старшеклассников «Комсорг» был полигоном самопознания, практического экспериментального изучения общения, организаторской деятельности.

В первичных временных объединениях «Комсорга» два раза за смену проходила процедура коллективной самооценки. Старшеклассники оценивали степень развития своего коллектива – это действие сродни действиям ученых-экспериментаторов, которые тестируют созданные ими субстанции. При самооценке старшеклассники пользовались методикой символических аналогий («Песчаная россыпь», «Мягкая глина», «Мерцающий маяк» и т. д.) [Лутошкин 1978: 39; Лутошкин 1981: 100–102], что делало процесс обсуждения живым, образным, творческим. Вообще, авторы проекта, будучи психологами-экспериментаторами, рассматривали «Комсорг» как *полевую научно-исследовательскую лабораторию* [Кирпичник: 230].

Реализация программы лагеря была многолетним естественным экспериментом, научные идеи проверялись и воплощались в жизнь, а реальные коллизии лагерной жизни подвергались научному осмыслению [Поляков: 21]. Связывало психологическую науку и практику воспитания методическое творчество – изобретение новых форм комсомольской работы, досуговых мероприятий.

Атмосфера открытости, необходимая для социального творчества, обеспечивалась, в частности, «Диалогами в Колизее». По инициативе А.Н. Лутошкина на территории лагеря было построено необычайное сооружение, по форме напоминавшее древнеримский Колизей, где и проходили доверительные беседы «по самым злободневным вопросам о тайнах человеческой души» [Байкалова; Бильгельдеева: 4]. Сам Анатолий Николаевич или кто-то из коллег – психологов, других авторитетных взрослых – отвечал на вопросы старшеклассников о юношеской любви и дружбе, общении со сверстниками и родителями и т. д.

И это было, по свидетельству комсоргов 1970-х гг., «настоящим счастьем, когда на заре юности взрослые тебя понимают» [Абатуров; Комсорг].

Важная часть комсорговского проекта – это создание атмосферы дружбы и товарищества в первичных объединениях старшеклассников. Так, в эталонных представлениях о комсомольском организаторе упоминается умение дружить, сам лагерь определялся как «школа дружбы... доброго отношения к людям», «дружба и песня для каждого комсорга священы» [Настоящий комсорг].

Практическая реализация **этики добродетели** [Фишман] достигалась особым вниманием к *эмоциям, переживаниям каждого отдельного подростка, межличностным отношениям во временных объединениях* [Кирпичник: 230]. На это работали этические правила, так называемые законы доброго отношения к людям, к песне, к окружающей среде.

Достоин особого внимания девиз отряда «Товарищ», объединявшего взрослых: «Живи, свою забывая усталость, чтоб видеть радость в глазах других», в котором узнаются ценности и символы «оттепленной» романтики 1960-х гг. Взрослые транслировали соответствующие образцы делового и межличностного общения, к концу смены большинство первичных коллективов представляли собой группы высокого уровня развития, характеризовались сплоченностью, готовностью участников к взаимопониманию, взаимопомощи, взаимоподдержке, комсорговцы переживали чрезвычайно яркие эмоции от общения друг с другом [Иванов В.Д.].

Уникальной процедурой костромского «Комсорга» 1970–80-х гг. было знакомство участников вечернего совещания по подведению итогов дня⁴ с результатами измерения настроения всего лагеря. Каждый вечер все участники программы заполняли индивидуальный дневник настроения, отмечая собственное настроение и настроение своего отряда. Психологическая служба лагеря («служба настроения») обрабатывала эту информацию и формировала цветоматрицу, которая предъявлялась командирам и инструкторам отрядов, руководству программы при подведении итогов дня. Процедура презентации палитры переживаний, как и работа с дневниками настроения, фокусировала общее внимание на значимости эмоций, переживаемых каждым комсоргом и каждым первичным коллективом.

В пространстве «Комсорга» существовало морфологически советское, но живое *разновозрастное сообщество*, создававшее условия для самореализации участников [Ижицкий; Кирпичник, Ижицкий]. Самореализация комсоргов обеспечивалась интенсивностью общения, разнообразием совместной деятельности и отношениями сотрудничества, эмоциональной насыщенностью, быстрым развити-

ем временных первичных коллективов [Ижицкий; Кирпичник, Ижицкий; Мудрик 2018: 152].

Приобретенный старшеклассниками в ходе лагерной смены опыт осуществления своих способностей выступал в дальнейшем важным фактором активности в общественной работе, мотивации организаторской деятельности, давал надежду на самореализацию в сообществе своей школы.

Игровая составляющая проекта социального тренажера. В одной из комсорговских песен поется: «Не верь, если скажут, что это игра, “Комсорг” – комсомольская наша планета». Сама постановка подобного вопроса фиксирует наличие проблемы восприятия жизни лагеря комсомольского актива как ненастоящей, искусственной, как некоего «инобытия», «острова утопии» – именно такое положение дел рекомендуется преодолеть своей верой.

Игровая модель лагеря «Комсорг», как и Фрунзенской коммуны, в определенной мере воспроизводила образ жизни макаренковской колонии имени М. Горького: романтизированный прототип красногвардейских отрядов начала Гражданской войны [Димке: 122–123], такой военно-демократический уклад (казарменный диспозитив).

Это подтверждается частотным анализом текстов публикаций о «Комсорге» – многочисленное (1,29 % от общего числа лексем) употребление слов «отряд», «командир», «штаб», «поверка», руководители лагеря называли свои должности: комиссар и начальник штаба лагеря, командиры отрядов и т. п. [Кирпичник, Лутошкин, Уманский: 168].

Использование игровой военизации объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, это удачный инструмент организации коллективной жизни, традиция, идущая от А.С. Макаренко, специфический советский романтический милитаризм в воспитании, подпитывавшийся книгами А.П. Гайдара. Во-вторых, высокая интенсивность и скорость коллективной жизни большого сообщества (в смене участвовали от 220 до 330 старшеклассников) оправдывались военной регламентацией [Димке; Фишман: 149].

В-третьих, память о событиях Великой Отечественной и Гражданской войн была жива и поддерживалась государственной идеологией [Поляков: 129]. В отличие от Фрунзенской коммуны, в «Комсорге» не провозглашались идеи равенства, отношения вертикаль была явно обозначена, сама сущность лагеря актива также преодолевалась коммунарскую утопическую унификацию [Фишман: 158].

Думается, что такое обозначение диспозиции помогало настраивать старшеклассников на учет разницы в статусах во взаимодействии со взрослыми (школьными педагогами), чему, в свою очередь, содействовал позитивный образ взрослых в «Комсорге».

А.Н. Лутошкин изучал и на практике обеспечивал эмоциональную коммуникативность, писал и исполнял песни, которые стали частью культуры сообщества. В «Комсорге» регулярно создавались ситуации яркого эмоционального переживания в процессе совместного пения в орлятском кругу, у отрядных костров, на общих лагерных торжествах [Бильгельдеева; Захарова; Комсорг]. Строчки из песен многократно повторялись, цитировались в стихах старшеклассников [Сморчков].

Одной из знаковых в костромском «Комсорге» была песня «Буденовки надеть!» (автор стихов и музыки А.Н. Лутошкин) – своего рода квинтэссенция этики героизма. В этом прямом обращении к романтике революции и Гражданской войны представлен полный набор красноармейских артефактов: «буденовки», «[боевой, военный] поход», «приказ», «эскадроны конницы», «свинцовая пурга», «Ура!», «красные всадники», «в атаку рвется эскадрон». Для осовременивания революционной эпохи используются глаголы настоящего и будущего времени. Но, что еще интересно, в этом тексте явно просматривается античный мотив судьбы (фатума):

– на людей действуют внешние силы сродни природным катаклизмам («свинцовая пурга»), одушевленные акторы – «судьба», «приказ», «труба», «эскадроны конницы» («умчат», «рвутся в атаку»);

– мальчишки и матери следуют предначертанному, подчиняются этой непреодолимой внешней силе.

Укрепляет античный дискурс объяснение мотивации мальчишеских подвигов: «чтобы войти в историю, чтоб мы о них поспорили». Таким образом формируется мифологический образ героя-борца, борющегося не с врагами, а с судьбой. Такая интерпретация, как представляется, очень подходила к эпохе 70-х гг.

Подготовленным в лагере активистам предстояло сразиться со множеством социальных стихий, и если не победить, то хотя бы оставить о себе память. Весьма показателен в текстах комсорговских песен лейтмотив невротизации («труба зовет», «ну хоть немного бы подождал бы тот приказ», «тревогу пела... труба», «горнисты поют тревогу, снова тревогу», «опять кричит взволнованно труба», «не нужен нам покой», «Комсорги, в дорогу, в дорогу», «Вы слышите, труба зовет» и т. д.). Эта учащенная ритмичность, видимо, была призвана мотивировать на действия, эмоционально окрашивать жизнь в лагере и объединять комсорговское сообщество. Подобный мотив слышится и в публикациях о старшеклассниках – участниках смен, в их отношении к жизни своих школьных комсомольских организаций, там тоже повторяются слова из комсорговских песен [Сморчков].

Многочисленное упоминание в газетных публикациях за 1974, 1977, 1980, 1981, 1985, 1986 гг. подтверждает значимость еще одной грани романтики «Ком-

сорга» – темы прощания с детством, воплощенной через сюжет А. Грина. Традиционно в конце смены проводился праздник совершеннолетия «Алые паруса». В этот день особое внимание уделялось 16-летним, тем, кто перешел в выпускной класс, кто проживает последнее лето детства, последнюю возможность принять участие в комсорговской смене [Абатуров; Алексеев; Иванова; Комсорг; Трифонова].

Этот мотив заслуживает внимания еще и тем, что хотя и формально не все участники смены по возрасту прощались с детством, но призыв становиться взрослым, принимать на себя серьезные задачи преобразования окружающего мира был обращен к каждому. В песне «Комсорги, в дорогу», написанной в 1980-е гг., героическая эпоха прошлого изображена одним мазком: «Нас красные всадники, слышишь, зовут». Зато современный «Комсорг» представлен узнаваемыми картинками лагерной жизни: «запах лесного костра», «дождик в конце уходящего лета», «гитара... юности нашей певец». Неким заклинанием, ответом на противоречивую советскую реальность 1970–80-х гг., с которой, несомненно, сталкивались старшеклассники, звучало обозначение лагеря «Комсорг» как «веры в мечту без сомненья».

Исследование лагеря комсомольского актива старшеклассников Костромской области «Комсорг» в 1973–1989 гг. в качестве социально-педагогического проекта эпохи позднего социализма позволяет охарактеризовать его как миссионерский учебный центр, готовивший участников программы к улучшению жизни в школьных комсомольских организациях. Разработанный и реализованный Л.И. Уманским и А.Н. Лутошкиным социально-педагогический проект был ориентирован на создание условий для развития личности старшеклассника, его самореализации во временных летних объединениях и в то же время органично вписывался в советскую педагогическую теорию и практику воспитания.

Реконструкция социально-педагогического проекта лагеря «Комсорг» в значительной мере оставляет за скобками то, как школьники-участники в массе своей воспринимали происходящее. Кроме того, костромской «Комсорг» не был типичным лагерем комсомольского актива, сама по себе Костромская область отличалась от многих областей РСФСР историко-педагогическим факультетом пединститута, его выпускниками, работавшими заместителями директоров школ, инструкторами и секретарями райкомов, горкомов, обкома ВЛКСМ и КПСС.

Примечания

¹ Имеются в виду последователи созданного В.П. Крапивиним в 1961 г. в Свердловске внешкольного разновозрастного детско-подросткового объединения «Каравелла». «Каравелла» – уникальный соци-

ально-педагогический проект советского воспитания 1960–80 гг., существующий и в настоящее время.

² В 15 лет в ВЛКСМ принимали подростков с 1958 по 1962 г., до и после этого периода – с 14 лет.

³ Взрослый (чаще всего студент или молодой учитель), закрепленный за временным объединением старшеклассников, в костромском «Комсорге» назывался инструктором.

⁴ Вечернее совещание по подведению итогов дня называлось в «Комсорге» «штаб лагеря», в заседании принимали участие старшеклассники (командиры отрядов), взрослые (инструкторы отрядов и методисты) и руководство лагеря.

Источники

Абатуров Л. Веди, товарищ, «Комсорг» // Молодой ленинец. 1980. 6 сент.

Абатуров Л. Веди, товарищ, «Комсорг» // Молодой ленинец. 1980. 6 сент.

Алексеев М. С открытием, «Комсорг»! // Молодой ленинец. 1986. 14 авг.

Байкалова А.Ю. Встреча с легендой. Анатолий Кирпичник. URL: <https://incamp.ru/blog/vstrecha-s-legendoj-anatolij-kirpichnik/?ysclid=lei6loi ki2235391200>

Бильгельдеева Т.Ю. Анатолий Николаевич Лутошкин. Воспоминания очевидца с редакционным комментарием М.Р. Битяновой // Школьный психолог. 2001. № 29. С. 4–5.

Веди, товарищ, «Комсорг» // Молодой ленинец. 1980. 6 сент.

Воспитание старшеклассников во временном комсомольском коллективе: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: А.Г. Кирпичник (отв. ред.) и др. Кострома: КГПИ, 1989. 145 с.

Вульф В.З., Потапкин М.М. Организатор внеклассной и внешкольной воспитательной работы: (Содержание и методика деятельности). Москва: Просвещение, 1978. 207 с.

Захарова И. Одиннадцатая смена. Несколько страниц из жизни «Комсорга-83». Ребята, надо верить в чудеса // Молодой ленинец. 1983. 6 сент.

Иванов В.Д. Творческая атмосфера школьной комсомольской организации. Москва: Знание, 1983. 80 с.

Иванов И.П. Формирование юных общественных и организаторов: (Очерки методики воспитательной работы школы): метод. пособие. Ленинград: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1969. 120 с.

Иванова М. Комсомольцы – о «Комсорге-74». Заряд активности // Молодой ленинец. 1974.

Ижицкий В. «Комсорг» в поиске // Молодой ленинец. 1987. № 97 (4784).

Ижицкий В.П. Развитие личности старшеклассника во временном коллективе: дис. ... канд. пед. наук. Москва, 1985. 201 с.

Киртичник А.Г., Ижицкий В.П. Летние объединения старшеклассников. Москва: Знание, 1984. 80 с.

Киртичник А.Г. Истоки: к 45-летию Костромского областного лагеря старшеклассников «Комсорг» имени А.Н. Лутошкина // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 4. С. 229–231.

Киртичник А.Г., Лутошкин А.Н., Уманский Л.И. Лагерь «Комсорг» – база подготовки комсомольского актива для школ области и объект психолого-педагогического исследования // Социально-психологические проблемы личности и коллектива школьников и студентов: сб. науч. трудов. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1976. Вып. 45. С. 167–172.

Комсорг – это мечта // Молодой ленинец. 1977.

Лутошкин А.Н. Как вести за собой: Старшеклассникам об основах организаторской работы. Москва: Просвещение, 1981. 208 с.

Лутошкин А.Н. Классному руководителю о комсомольской работе в школе. Москва: Просвещение, 1975. 191 с.

Лутошкин А.Н. Эмоциональная жизнь детского коллектива. Москва: Знание, 1978. 46 с.

Малахов А. Вечер в «Комсорге» // Молодой ленинец. 1985. 22 авг.

Материалы о работе областного лагеря школьного комсомольского актива «Комсорг» имени лауреата премии Ленинского комсомола А.Н. Лутошкина // Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. 1018. Оп. 56. Д. 171. Л. 1–11.

Мякишев Л. Будни «Комсорга»... // Молодой ленинец, 1984. 18 авг. (цит. по: Авторские лагеря Костромской области, С. 73).

Настоящий комсорг – это... // Молодой ленинец. 1981. 29 авг.

Немов Р.С., Киртичник А.Г. Путь к коллективу: кн. для учителей о психологии учебного коллектива. Москва: Педагогика, 1988. 144 с.

Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР: постановление Совета Министров СССР от 6 июня 1956 г. // Народное образование в СССР: сб. документов. 1917–1973. Москва, 1974. С. 192.

Сморчков В. Как живешь, комсорг? // Московский комсомолец. 1975. 27 сент.

Трифонов З. Если радость на всех одна // Молодой ленинец. 1978. 7 сент.

Уманский Л.И. Функциональная динамическая структура психологии жизнедеятельности коллектива // О системном подходе в исследовании проблемы «Коллектив и личность»: сб. ст. Москва, 1977. Вып. 7. С. 17–21.

Список литературы

Галдобина С.В. Советская молодежь в 60-е гг. XX столетия: малоизвестные страницы истории // Вестник Екатеринбургского института. 2008. № 1 (1). С. 37–41.

Димке Д.В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х гг. Москва: Common place, 2018. 264 с.

Козлова А. Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орлёнка» (1957–1991) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 75–115.

Курьянов Б.В. Провинциальные заповедники нетоталитарной педагогики (региональные лагеря комсомольского актива в СССР в 60–70-е гг. XX века) // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 4. С. 223–228.

Листонадов Ю.Г. Летние лагеря пионерского и комсомольского актива // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Иваново, 2017. С. 343–348.

Мудрик А.В. Лики отечественной педагогики советского периода (заметки дилетанта) // Социальная педагогика. 2016. № 1–2. С. 66–84.

Мудрик А.В. О нетоталитарных концепциях в отечественной педагогике советского периода (к столетию со дня рождения Л.И. Новиковой) // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 1. С. 151–156.

Нестерова А.А. Комсомольские и пионерские организации в условиях реформирования общего образования во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.: на материалах Тамбовской области: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2015. 187 с.

Поляков С.Д. Коллективное творческое воспитание: перезагрузка. Москва: Национальный книжный центр: Сентябрь, 2016. 176 с.

Фишман Л.Г. Эпоха добродетелей: после советской морали. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 232 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. Москва: Новое лит. обозрение, 2014. 661 с.

References

Dimke D.V. *Nezabyvaemoe budushhee: sovetskaya pedagogicheskaya utopiya 1960-x gg.* [Unforgettable future: Soviet pedagogical utopia of the 1960 s]. Moscow, 2018, 264 p. (In Russ.)

Fishman L.G. *E`poxa dobrodetel'ej: posle sovetskoy morali* [The era of virtues: after Soviet morality]. Moscow, 2022, 232 p. (In Russ.)

Galdobina S.V. *Sovetskaya molodezh` v 60-e gg. XX stoletiya: maloizvestny`e stranicy istorii* [Soviet

youth in the 60s of the XX century: little-known pages of history]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta* [Bulletin of the Catherine Institute], 2008, vol. 1 (1), pp. 37-41. (In Russ.)

Kozlova A. *Kak vospitat' pionerov samostoyatel'ny'mi i iniciativny'mi: pedagogicheskie taktiki «Arteka» i «Orlyonka» (1957–1991)* [How to educate pioneers to be independent and proactive: pedagogical tactics of “Artek” and “Orlyonok” (1957-1991)]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum], 2020, vol. 45, pp. 75-115. (In Russ.)

Kupriyanov B.V. *Provincial'ny'e zapovedniki ne-totalitarnej pedagogiki (regional'ny'e lagerya komsomol'skogo aktiva v SSSR v 60-70-e gg. XX veka)*. [Provincial Reserves of Non-Totalitarian Pedagogy (Regional Camps of Komsomol Activists in the USSR in the 1960s–70s)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika. Psichologiya. Sociokinetika* [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2017, vol. 4, pp. 223-228. (In Russ.)

Listopadov Yu.G. *Letnie lagerya pionerskogo i komsomol'skogo aktiva* [Summer Camps of Pioneer and Komsomol Activists]. *Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov* [State, Society, Church in the History of Russia in the 20th–21st Centuries]. Ivanovo, 2017, pp. 343-348. (In Russ.)

Mudrik A.V. *Liki otechestvennoj pedagogiki sovetskogo perioda (zametki diletanta)* [Faces of Domestic Pedagogy of the Soviet Period (Notes of an Ama-

teur)]. *Social'naya pedagogika* [Social Pedagogy], 2016, vol. 1-2, pp. 66-84. (In Russ.)

Mudrik A.V. *O netotalitarny'x koncepciyax v otechestvennoj pedagogike sovetskogo perioda (k stoletiyu so dnya rozhdeniya L.I. Novikovej)* [On non-totalitarian concepts in domestic pedagogy of the Soviet period (on the centenary of the birth of L. I. Novikova)]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*. [Siberian pedagogical journal], 2018, vol. 1, pp. 151-156. (In Russ.)

Nesterova A.A. *Komsomol'skie i pionerskie organizacii v usloviyax reformirovaniya obshhego obrazovaniya vo vtoroj polovine 1950-x – nachale 1960-x gg.: na materialax Tambovskoj oblasti* [Komsomol and pioneer organizations in the context of general education reform in the second half of the 1950s - early 1960s: based on the materials of the Tambov region]: dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2015, 187 p. (In Russ.)

Polyakov S.D. *Kollektivnoe tvorcheskoe vospitanie: perezagruzka* [Collective creative education: reboot]. Moscow, 2016, 176 p. (In Russ.)

Yurchak A. *E'to by'lo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it ended: the last Soviet generation]. Moscow, 2014, 661 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 07.11.2024.

The article was submitted 21.10.2024; approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 07.11.2024.